

УДК 32.019.5; 323.2; 316.485.6

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АЛГОРИТМ «КУЛЬТУРЫ ОТМЕМЫ»: ИНТЕГРИРУЮЩИЙ И ДЕЗИНТЕГРИРУЮЩИЙ АСПЕКТ

А. Ф. Нагайчук^а, А. В. Брызгалова^б

^а Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, 199106, Российская Федерация

^б Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация

Аннотация: В данной статье дается определение специфики понятия «культура отмены» как технологии, играющей двоякую роль в информационном, коммуникационном и социально-политическом пространствах. Данная технология рассматривается и как технология конфликта, и как технология предупреждения, урегулирования конфликта. Таким образом, «культура отмены» одновременно может иметь регулятивный аспект и потенциал конфликта, который помогает, развиваясь, конфликтной ситуации урегуливаться, разрешая противоречие и снимая напряжение, а может, наоборот, выполнять деструктивную роль, обостряющую конфликтный потенциал взаимодействия. Далее в статье анализируются вопросы специфики интеграции и дезинтеграции социокультурного пространства с условием применения «культуры отмены» как особого способа воздействия на форму взаимодействия не только социокультурного, но и информационно-коммуникационного и социально-политического пространств взаимодействия. Выявленная авторами исследования структура технологии «культуры отмены» и ее вариативный алгоритм воспроизводства — урегулирующий и стимулирующий конфликт — позволяют делать вывод о разноплановом применении данной технологии, особенно в условиях современного глобального общества с частым использованием таких способов воздействия как информационные войны и иные кампании. В итоге статьи дан вывод о том, что «культура отмены» может представлять собой вариативную технологию воздействия на потенциал конфликта. Так, это может представлять собой как технологию конфликта, дезинтегрируя, стимулируя борьбу и т.д., а может быть технологией, предупреждения и урегулирования, интегрируя общество и взаимодействие его субъектов. Кроме того, авторы приходят к выводу о том, что технология конфликта имеет способность развивать логику конфликта, его внутренний синергетический потенциал, в итоге может приводить к его урегулированию и разрешению противоречия, зачастую является единственно возможным способом.

Ключевые слова: «культура отмены», «культура исключения», «культура возмущения», социально-политическая технология, конфликт, информационные технологии, способы урегулирования конфликтов.

Благодарность: Статья опубликована при финансовой поддержке АНО ДПО «Институт Мира и исследования конфликтов».

Статья поступила в редакцию 07.09.2023; принята к публикации 20.11.2023.

© **Андрей Федорович Нагайчук** — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и психологии, Санкт-Петербургский горный университет, Nagaychuk_AF@personel.spmi.ru

© **Анита Вадимовна Брызгалова** — студент магистратуры образовательной программы «Конфликтменеджмент» (кафедра конфликтологии), Санкт-Петербургский государственный университет, anita.bryzgalova@yandex.ru

TECHNOLOGICAL ALGORITHM OF “CANCEL CULTURE”: INTEGRATING AND DISINTEGRATING ASPECT

A. F. Nagaychuk^a, A. V. Bryzgalova^b

^a St. Petersburg Mining University, St. Petersburg, 199106, Russian Federation

^b St. Petersburg State University (SPbU), St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Abstract: This article defines the specificity of the concept of «cancel culture» technology, which plays a dual role in the information, communication and socio-political space. “Cancel culture” is considered as a technology that can both create conflicts and prevent or settlement them. Thus the “cancel culture” encompasses both the regulatory aspect and the potential for conflict. As it evolves, it can contribute to the resolution (settlement) of a conflict situation by eliminating contradictions and reducing tensions. Conversely, it can play a destructive role, exacerbating conflict potential. Further, the article analyses the specificity of the integration and disintegration of socio-cultural space with the use of “cancel culture” as a special way of influencing not only socio-cultural, but also information and communication and socio-political interactions. The structure of “cancel culture” technology and the algorithm of its reproduction can be used in a variety of ways, especially in the conditions of modern global society, where such ways of influence as information warfare and other campaigns are often used. The article concludes that “cancel culture” can be a variable technology that influences the potential for conflict. Thus, it can be the technology of conflict, disintegrating, stimulating struggle, etc., or it can be the technology of conflict prevention and conflict settlement, integrating society and the interactions of its individuals. In addition, the authors conclude that in situations where there is no fierce antagonism, the technology of conflict can lead to the conflict settlement and resolution by developing the logic of conflict and its internal synergetic potential.

Keywords: “cancel culture”, “call-out culture”, “outrage culture”, socio-political technology, conflict, information technology, conflict settlement methods.

Acknowledgments: The article was published with the financial support of ANO DPO “Institute for Peace and Conflict Research”.

Received September 07, 2023; in final form November 20, 2023.

© **Andrei F. Nagaichuk** — Cand. Sci (Sociology), senior lecturer of the Department of Sociology and Psychology, Saint Petersburg Mining University, Nagaychuk_AF@personel.spmi.ru

© **Anita V. Bryzgalova** — Student of the master’s program «Conflict Management» (Department of Conflictology), Saint Petersburg State University, anita.bryzgalova@yandex.ru

ВВЕДЕНИЕ

Продолжая погружение в анализ такого актуального в условиях современных информационных войн явления как «культура отмены», напомним специфику авторской интерпретации понятия. «Культура отмены — амбивалентное социокультурное явление, целью которого становится воздействие на отдельных субъектов (статусы, индивиды, группы, компании) для трансформации их мнений и поведения, выполняемых общественно значимых функций в заданном направлении как интеграции, так и дезинтеграции, институционализации и деинституционализации определенных норм и ценностей, конструкции и деконструкции установок и стереотипов сознания; также это информационно-коммуникационная социально-политическая технология, используемая для воздействия на воспроизводственный механизм способов реализации интересов в политике, влияющая на конфликтный потенциал взаимодействия разнонаправленным образом. В пользу определения данного явления в качестве технологии свидетельствуют воспроизводящиеся и тиражируемые методы, набор инструментов, алгоритм (механизм). Кроме того, эта технология может быть отнесена как к управленческим, конфликтным способам воздействия (за счет непосредственного влияния и разнонаправленного характера), так и к урегулирующим, предупреждающим, за счет опосредованного воздействия и превентивного характера» [1, с. 44]. Предупредительный характер (урегулирующий конфликтный потенциал) «культуры отмены» как инструмента информационной кампании, информационной войны часто бывает связан с направленностью опосредованного воздействия на смещенную целевую группу, ориентированную на адресата «отмены» как референтную личность или группу. Если рассматривать «культуру отмены» как структурный элемент технологии информационной войны, то в этом контексте она может выполнять роль способа, метода, инструмента более комплексной технологии. Однако, данное явление обладает самостоятельной структурой и алгоритмом осуществления, что может придавать ему характер регулятивной социально-политической технологии, воспроизводящейся в информационно-коммуникационном пространстве взаимодействия. Кроме того, «культуру отмены» можно рассматривать через призму технологии самого конфликта, имеющего свою логику, структуру, динамику, алгоритм осуществления и воспроизводства. Кроме того, как известно, конфликт имеет определенную внутреннюю логику и движущие силы, закономерности степени антагонизма, способность, развиваясь, урегуливаться, разрешая противоречие и снимая напряжение,

а может, наоборот, выполнять деструктивную роль, разрушающую структуру и систему взаимодействия, обостряя противостояние. В данном аспекте стоит отметить значение определенного типа культуры как таковой (в ее широком значении, включая тип и форму взаимодействия, определенный контекстуальный аспект условий, факторы среды), по мнению П. Сорокина, она может рассматриваться как система «взаимодействия индивидов и влияющих друг на друга своим поведением» [2, с. 33]. Безусловно, это не только взаимодействие на уровне индивидуальном, но, прежде всего, социальном, поскольку индивиды образуют группы, отражающие определенные формы социокультурных отношений и тип социальных связей.

РЕГУЛЯТИВНЫЙ АСПЕКТ И ПОТЕНЦИАЛ

В социально-технологическом смысле данная проблематика рассматривается в категориях атрибутивного конфликта, связанного противоречивостью смыслового, даже смыслообразующего, основания, с его сущностными значениями, а также с аспектами ценностного и морально-нравственного противостояния. Прибегая к атрибутивным факторам и актуализируя их, атрибутирующие субъекты демонстрируют значимость «казуальной ответственности», когда в обширных общностях с невысоким уровнем сплоченности формируются антагонистичные и дезинтегрированные представления о себе и оппоненте, они «противопоставляются («Я — хороший, он — плохой») . . . , чем глубже конфликт, тем сильнее проявляется тенденция к обвинению оппонента в случившемся . . . , включается самозащитная тенденция использования внешних причин к объяснению конфликта — обвинять оппонента или апеллировать к обстоятельствам» [3, с. 108]. Американский исследователь К.Р. Митчелл, углубляясь в основание атрибутивного конфликта, называет его спором, который дает толчок для возникновения условий, из которых затем происходит сама проблема [4, р. 116]. Соответственно, речь идет о глубинных противоречиях, первопричинах возникающей проблемы, на основе которой формируется конфронтация.

Таким образом, основаниями атрибутивного конфликта могут стать разногласия любого уровня взаимодействия (на внутрисоциальном уровне — это могут быть споры по поводу безработицы, низких зарплат, уровня жизни, направлений внутренней и внешней политики, проектов социальной и социокультурной политики государства; а на международном уровне — по поводу фундаментальных причин бедности, экологии, глобальных норм и ценностей, экономической и санкционной политики), что приводит

к искажению отношений сторон, имеющих разногласия по поводу атрибуции, начинаются взаимные обвинения в «неправильности» анализа и предлагаемых действий, оставляя тем самым нежелательную ситуацию неразрешенной. Стороны конфликтного взаимодействия обычно имеют фундаментально разные точки зрения на проблему конфликта, поскольку никому не желает уступить, то «победа» в этом своеобразном мировоззренческом конфликте достигается путем «отмены» одной стороной другой стороны. Зачастую завершение атрибутивного конфликта происходит путем применения стратегии «навязывания» или «переложения» ответственности за процесс анализа и поиска вариантов решений. В этом случае ответственность перекладывается либо на оппонента, либо за заинтересованную третью сторону. Наконец, участники атрибутивного конфликта ведут спор по поводу поиска наиболее эффективного, с их точки зрения, способа решения проблемы. Следовательно, атрибутивный конфликт начинает дополняться разногласиями по поводу способа разрешения, урегулирования. Поэтому даже если участники договорятся о своих целях, то между ними часто сохраняются фундаментальные разногласия в отношении главных причин конфликта, либо способов «лечения» проблем. В связи с этим, стоит отметить, что «культура отмены» как способ регуляции атрибутивного конфликта представляет собой частично урегулирующий механизм, одновременно сохраняющий или даже обостряющий потенциал конфронтации. «Даже в явно сплоченных группах и организациях может быть абсолютное согласие о целях, и вместе с этим разногласия по поводу средств их достижения. Групповое единство начинает расслаиваться и раскалываться на сторонников и противников по главному вопросу, как следствие развивается конфликт о средствах достижения целей. Конфликт по поводу средств может оказаться опасным и принимать различные острые формы; он может способствовать формированию у участников замкнутых и самодовлеющих систем представлений и рассуждений, которые закрепляются в конечном итоге в форме идеологии» [5, с. 228].

Наибольшее значение в данном процессе трансформации конфликта в ценностное поле в механизме «культуры отмены» приобретает причина «отмены», точнее качественная характеристика интереса, нормы, ценности, по поводу которых осуществляется «культура отмены». Если это частные (узкоэгоистичные) интересы или деструктивные нормы и ценности, то механизм «отмены» носит преимущественно характер урегулирующий или разрешающий проблему, потенциал конфликта. В ситуации, когда «отмене» подлежат значимые ассоциированные социальные интересы и ценности,

то этот механизм приводит к росту напряжения и серьезно тормозит развитие общества. Как отмечают российские ученые В.Н. Иванов и В.И. Патрушев «субъекты политического управления, учитывающие требования социального пространства, способствуют укоренению прогресса общества, а игнорирующие социальные интересы — отбрасывают свои народы, нации, государства в их развитии на задворки цивилизации» [6, с. 37]. Основанием для градации социально-политической активности субъектов в рамках информационно-политического пространства в воспроизводственном цикле технологии реализации социальных интересов является степень осуществления ими интегративной функции.

ИНТЕГРИРУЮЩАЯ И ДЕЗИНТЕГРИРУЮЩАЯ РОЛЬ

Исходя из этих позиций, данные технологии можно подразделить на интегрирующие и дезинтегрирующие. Механизм «культуры отмены» направлен на выполнение обоих видов технологий, но на практике преимущественно осуществляется в рамках дезинтеграции и смешанного типа технологий. «Интегрирующие, т.е. направленные на интеграцию личности в политику, информационное пространство социально-политической коммуникации, на достижение равновесия между основными силами в обществе, на установление консенсуса по некоторым позициям между ними. Дезинтегрирующие, т.е. направленные на ослабление существующего равновесия в обществе, статус-кво основных агентов социально-политического процесса. Смешанный тип, т.е., когда технологии направлены на интеграцию в политику и социально-информационное пространство одних субъектов, страт общества и исключение из “правил политической игры” других политических сил, социальных групп и индивидов» [5, с. 230]. Конечно, в этом механизме субъектами воздействия технологий интегрирования и дезинтегрирования могут становиться не только индивиды, но и социальные статусы, роли, группы, общности, институты, организации, целые общества и цивилизации, как, например, современные попытки «отмены» культуры Русской цивилизации со стороны «коллективного Запада» (как технология разобщения, дезинтеграции и изоляции) и ответная достаточно консолидированная реакция российского государства и общества в усилении пропаганды национальной идентичности, как необходимая и обусловленная мера по сохранению самобытности и независимости российской цивилизационной модели (как технология интеграции и мобилизации российского общества и всего «русского мира» на основе цивилизационной идентичности).

Дезинтеграция является следствием продвижения определенных сил, их интересов и технологий, проявляется в разрыве связей между субъектами процесса социально-политического взаимодействия; отсутствии необходимых структур посредничества; рассогласовании социальных интересов, ценностей, норм, потребностей, целей и ожиданий субъектов взаимодействия; насыщении глобального информационного рынка «низкопробными» и «некачественными технологиями» (особенно в сфере «новых» СМИ и СМК, ориентированных на выбор массовой политико-информационной технологии, включая вполне агрессивную и одностороннюю пропаганду и внедрение тенденциозных стереотипов сознания). Насыщение рынка некачественными технологиями в итоге может приводить к усилению рассогласованности интересов, дестабилизации общества и воспроизводству конфронтации. В то время как технологизация взаимодействия в вопросах интеграции и осуществления социальных интересов может способствовать внедрению новых и качественных технологий, способных корректировать развитие партнерства, минимизировать риски и издержки, связанные с конфликтными способами осуществления значимых социальных интересов, ценностей и норм.

В итоге технологизации взаимодействия создается единая социокультурная среда, пространство интеграции индивидов, социальных групп, общностей и общества в целом. Достижение этого единства представляется очень важным, как отмечает П. Сорокин: «...каждая культура стимулирует одни поступки и препятствует многим другим в соответствии со своим характером» [2, с. 770], эта тенденция реализуется посредством «культуры отмены» нежелательных поведенческих актов и воззрений, обуславливающих данные типы действий и тип, форму взаимодействия. Этот тренд обуславливает политику своеобразного изоляционизма системы от нежелательных способов поведения и взаимодействия (не только индивидов, но и всех субъектов), хотя изоляция не самая лучшая технология, поскольку она предполагает достаточно жесткое и прямое воздействие на потенциал конфликта, лишая позитивный потенциал конфликта возможности развивать систему, разрешая накопившиеся противоречия. Вместе с тем, как отмечает В.Л. Цымбурский [7], изоляционизм может спасти целые цивилизации в сохранении их самобытности и этнокультурной идентичности в условиях геополитического противостояния, например. Кроме того, эта стратегия является практически единственно возможной при жестком антагонизме, в условиях столкновения субъектов, которые могут характеризоваться как «конфликтные типы» взаимодействия, при явном дефиците ресурсов

и неделимости объекта конфликта. В данной ситуации актуальным становится вопрос о самодостаточности изолированного общества, как отмечает вышеуказанный автор, Российская цивилизация имеет очень высокий потенциал самодостаточности, обладая всеми необходимыми ресурсами для этого.

Вместе с тем, стоит учитывать, что изоляционизм, по сути, мешает внутренней логике конфликта, развиваясь, самоурегулироваться. Поэтому изоляционизм как способ воздействия на конфликтный потенциал относится к направлению «конфликтменеджмента» (conflict management) или политического менеджериального подхода, господствующего на Западе в рамках концепции политического реализма Г. Моргентау и пр., основанного на прямом, непосредственном управленческом и разнонаправленном (как в сторону обострения, стимуляции, так и в сторону мирного урегулирования) воздействии в целях реализации интересов управляющего субъекта. В то время, как иные направления в работе с конфликтом и его потенциалом представляют собой менее жесткое воздействие, опосредованное и однонаправленное (в сторону мирного урегулирования) — концепции разрешения (conflict resolution) и предупреждения (prevention of conflict), урегулирования (settlement) конфликта. Эти направления ориентированы преимущественно на интегративный подход, свойственный российской традиции, и предполагают достижение консенсуса путем согласования ценностей, целей, мотивов и интересов. Они осуществляются в рамках синергетического подхода, основанного на «сорботании» всех заинтересованных сторон и логики развития и движущих сил самого конфликта, подверженного внутренним флуктуациям и способствующего внешним изменениям системы, зачастую конструктивным. В данном ключе важной становится нелинейность развития, учет факторов «непредсказуемости» и «неуправляемости» отдельных элементов и процессов, творческого потенциала конфликта и тех, кто планирует осуществлять на него воздействие.

Питирим Сорокин достаточно подробно анализирует основные формы интеграции в рамках культурного пространства взаимодействия, которые могут интерпретироваться и в обратном направлении, когда они превращаются в формы дезинтеграции. Так, например, среди основных форм он выделяет пространственное сходство, косвенную ассоциацию (объединение) под воздействием внешних факторов (угроз), причинное или флуктуационное единство, что в итоге приводит к функциональному единству в культурном пространстве, логико-смысловой интеграции, поддержке образцов единообразия [2, с. 35–39]. Согласно логике рассуждений «от обратного», можем предположить, что механизм «культуры отмены» направлен

на устранение определенных факторов по критериям пространственных отличий, диссоциации (разобщения), флуктуационной дифференциации (разных темпов и форм изменений). «Отмене» подлежит все то, что приводит к дисфункциональному проявлению культурного пространства и его дезорганизации, логико-смысловой дезинтеграции и воспроизводству образцов различий и разнообразия. Преимущественно, единообразие достигается в рамках типа культуры (цивилизации), основанного на традиционных ценностях, религиозном мировоззрении и единой интерпретации базовых ценностей и норм. В то время как в рамках чувственной культуры воспроизводится преимущественно смысловое разнообразие и социокультурные различия, что объясняет конфликтный потенциал взаимодействия разных общественных систем по культурному типу на глобальном уровне. Согласно П. Сорокину, Европейская и Западная цивилизации уже достаточно длительное время развиваются как чувственные культурные пространства, в то время как Россия сохраняет серьезную идеациональную заданность. Хотя автор и уточняет, что такие страны как Россия и США имеют больше сходства, чем различия: «обе страны (*Россия и США. — прим. авт.*) становятся всё более подобными друг другу и приближаются к строю смешанного типа: ни коммунистического, ни капиталистического, ни тоталитарного, ни демократического, ни материалистического, ни идеалистического, ни полностью религиозного, ни атеистическо-агностического, ни чисто индивидуалистического, ни коллективистского, ни слишком криминального, ни слишком святого. В настоящее время этот смешанный тип представляет собой эклектичную смесь характеристик обеих стран, лишённую цельности новой интегральной культурной, социальной и личностной системы» [8, с. 196]. Вот признаки этих культурных систем интеграции, т.е. факторы, причины, на основе которых поддерживается пространственное единство взаимодействия. Чувственный тип интеграции основывается на эмпиризме, материализме, темпорализме (ориентация на временное), номинализме, этике счастья (гедонизм, утилитаризм, эвдемонизм), динамичном характере общественной жизни и быстром темпе изменений, урегулировании и перевоспитании в сочетании с истреблением неисправимых и др. В то время как идеациональный тип интеграции базируется на рационализме, мистицизме, этернализме (ориентация на вечное), реализме, этике абсолютных принципов, статичном характере общественной жизни и медленном темпе ее изменений, «искуплении» как главном принципе наказания и др. [2, с. 50].

Каждая культурная система по-своему достигает единообразия, поэтому механизм «культуры отмены» будет существенно отличаться. Согласно

подходу П. Сорокина, по всей видимости, в рамках идеациональной цивилизации он будет иметь большую значимость за счет апелляции к вечным ценностям, искупления вины, абсолютизации принципов, медленных темпов трансформации и т.д. В этом виде «культура отмены» будет выражаться, прежде всего, в идейном отчуждении от общей культуры, обвинениях в аморальности, безнравственности, деидентификации с национальными интересами, национальной идентичностью, обвинениях в предательстве, непатриотичности, нарушении традиционной заданности. В рамках этой системы определения культурного пространства и его единства основополагающее значение приобретает «интегральная истина и подлинная система ценностей» [2, с. 870–872], когда «прочная культура ведет к упорядочению, а потеря устойчивости — к взрыву системы, ее разрушению... Достигается устойчивое общество с нерасшатанной структурой и ценностями, ему не грозят волнения. Члены общества, даже умирая от голода, не будут бунтовать..., но когда ценности несовместимы, то это ведет к беспокойствию... Если вообразить себе общество, где уровень жизни каждого как у миллионера, но социокультурные отношения неустойчивы, а главные ценности несовместимы друг с другом, то такое общество окажется более беспокойным, чем то, в котором даже физиологические потребности едва удовлетворяются, но социокультурная структура прочна и определена, а члены общества исповедуют одни и те же ценности и живут в соответствии с ними» [2, с. 759–761]. Таким образом, «культура отмены» в данном типе культурного пространства ориентирована на выполнение функции упорядочения и поддержания стабильности. Одновременно с этим в любом обществе всегда останутся различия в социальном статусе, образовании, благосостоянии, вероисповедании, языке и множестве других социокультурных черт. В частности, борьба за экономические преимущества всегда будет одним из ключевых факторов как объединяющих людей, так и напротив их разделяющих. При этом различие является такой же движущей силой, как и единство. Сходства и различия не отделены друг от друга и могут в равной степени порождать как антагонизм, так и солидарность. В том числе «проблемы разных меньшинств могут быть решены не только посредством «амальгамации и ассимиляции», т.е. путем устранения различающих их черт и ценностей и переплавки их в черты и ценности большинства, но и путем стимулирования и развития специфических черт и ценностей меньшинств наряду с развитием фонда ценностей, общего для большинства и меньшинства» [9, с. 46]. Однако самые острые конфликты вызваны именно противоположностью ценностей, если они признаются значимыми для всех акторов

взаимодействия, поэтому и «необходима общая система координат, в качестве которой выступает невидимая глазу и неосязаемая реальность: общая система ценностей» [10, с. 149]. Такую систему ценностей должны поддерживать и ценностные ориентации, конкретные интерпретация ценностей и ожидаемый способы их достижения.

В то время как чувственный тип цивилизации будет воспроизводить «культуру отмены» в более динамичном аспекте, ориентируясь на временно-актуализированные нормы и ценности (новые тренды), с ориентацией на лишение материальных благ, прежде всего, а также на репутационные риски, коммуникацию в СМИ и СМК (уровень поддержки, последователи) и т.д., что характерно для Европейской и Западной цивилизации в наши дни. Условно их «новую этику» (тот «кодекс» по которому принимается решение «отменить») можно разделить на три основных направления: первое касается осуждения лукизма, расизма, сексизма, эйджизма и иных форм дискриминации; второе связано с переосмыслением отношений друг к другу на работе, в семье или иных социальных общностях: харассмент, абьюзивные отношения, токсичные отношения и т.д.; третье — это влияние интернета и социальных сетей на репутацию человека (бренда, компании), необходимость соответствия моде на «экологичность» во всём от заботы о природе до отношений с различными людьми. В погоне за восстановлением исторической справедливости и исправлением ошибок прошлого за красивыми лозунгами порой теряется суть некоторых вещей, а методы и способы этой «борьбы» оказываются несопоставимыми с «причинённым ущербом». Для членов такого общества благополучие более значимо, а «система социокультурных ценностей находится в состоянии анархии» [2, с. 760], в рамках этого типа культурного пространства стабильность общества понимается иначе, через призму конкурентной борьбы и либеральной «игры» интересов, когда многообразие мелких конфликтов, разрешающих противоречия, освобождающих негативную энергию напряжения, создает основу мирного сосуществования. Однако, С. Хантингтон выражает опасения по поводу размывания уровня национальных интересов и идентичности в угоду глобальным и локальным. Таким образом, сохраняется серьезный конфликтный потенциал с отложенной перспективой.

Вместе с тем, «культура отмены» бывает направлена на решение системной проблемы углубляющегося противоречия между личностью и общностью, общностями, личностью (группой) и обществом, гражданским обществом и государством. Усиление данных противоречий, в ситуации, если этот процесс не регулируется, не контролируется, может стать причиной

разбалансирования социально-политического пространства, когда сфера культуры перестает функционировать в своем ценностно-ориентирующем и нормативно-санкционирующем аспекте, в итоге может порождаться не только острый и масштабный социальный конфликт, но и нарастать угроза социальных катастроф. От решения этой кардинальной проблемы становятся зависимыми не только социально-экономические процессы, но и темпы развития общества, политические принципы. В этом аспекте все сильнее актуализируется ценностный конфликт, в котором объектом могут выступать не только духовные, морально-нравственные категории, но и социокультурные факторы, материальные ценности, власть и способы распределения, оцениваемые как справедливые или нет, даже категории «войны» и «мира».

СТРУКТУРА ТЕХНОЛОГИИ

При анализе любой технологии стоит изначально ответить на несколько вопросов. «Зачем используют данную технологию?» Вопрос предполагает именно ценностное, смысловое обозначение, направлен на атрибутивность. «С какой целью?» Этот вопрос предполагает направленность на конкретный результат, его образ. «На кого она направлена?» Предполагается адресность воздействия (адресат, поддерживающая группа, последователи). «Кому она выгодна?» Предполагается некий «заказчик», реальный инициатор. «Кто имеет контроль над её применением?» В данном аспекте предполагаются формальные организаторы, исполнители, а также санкционирующие инстанции, супервайзеры. Сама технология представляет собой «совокупность последовательно применяемых процедур, приемов и способов деятельности, направленных на оптимальную и эффективную реализацию целей и задач конкретного субъекта» [5, с. 156].

Цель «культуры отмены» — «актуализация в информационном пространстве определенных сюжетов для привлечения внимания широкой общественности к «непозволительному» поведению, а также предотвращение распространения «аморальных» или «деструктивных» мнений, идей (с точки зрения некой обезличенной общественности, хотя эта категория носит достаточно диффузный характер, часто олицетворяет собой достаточно маргинализованную группу). Конечной целью «информационной войны», в рамках которой проводится кампания «культуры отмены», является изменение баланса интересов, реализация собственных за счет и в ущерб противоположным» [1, с. 38–39]. **Адресат «отмены»** — частное лицо, группа лиц (общность, организация, движение, компания...) или

продукт деятельности (фильм, книга, спектакль, выставка и т.д.), выражающий нестандартное (деструктивное в понимании инициатора «культуры отмены») поведение или мнение, неоднозначного морально-нравственного, социального или политико-правового характера, а также имеющий большую аудиторию (адептов) или авторитет в определенных кругах. **Организатор («стейкхолдер»)** «отмены» — одна из противоборствующих сторон или чаще самостоятельная фигура, не участвующая напрямую в «отмене», организатором может быть частное лицо, редакция медиа, любая общественная или политическая организация, включая правительство той или иной страны с целью захвата мирового рынка и установления приоритета одной нации. Контроль над данной технологией прежде всего в руках медиакорпораций, которые формируют новости. **Процедуры технологии:** установление признаков «нарушения», обвинения (критика), «общественные обсуждения», «приговор» (оправдательный или обвинительный), обособление или изоляция, «покаяние», реабилитация (не до конца технологизирована, хотя обязана быть в рамках регулирующей технологии). **Инструменты:** преимущественно социальные сети (через посты, аудио или видеообращения, комментарии, репосты, хештеги, опросы, распространения ботов, бан и т.д.), даже многие традиционные СМИ работают сегодня в том числе через них.

Механизм «культуры отмены» — показательный и часто «стихийный» механизм информационного давления, основанный на публичной критике и обвинениях в нарушении норм (правовых, социальных, этических и др.), для конструирования социальной реальности в заданном направлении (продвижении, идентификации, актуализации одних процессов и разрушении, деидентификации других; диффузной и утраченной, ситуационной идентичности, изоляции, исключении других, находящихся в противоречии с первыми), с использованием различных социально-психологических, информационно-коммуникативных способов и методов воздействия на восприятие и поведение людей в обществе, в том числе через поощрение одобряемых поступков и критику, наказание недопустимых.

АЛГОРИТМ ВОСПРОИЗВОДСТВА

Любая социальная технология становится устойчивой благодаря механизму своего воспроизводства, который выражается в обоснованности (востребованности) любой технологии, ее распредмечивании, дифференциации, тиражировании, утилизации и т.д., вплоть до полного насыщения и реализации потребностей. Алгоритм воспроизводства технологии «культуры

отмены» вариативен, дифференцируется и выражается как минимум в качестве стимуляции конфликта, превращая саму технологию в конфликтную; в качестве регуляции конфликта, превращая технологию в урегулирующую.

Алгоритм стимуляции конфликта. 1) Подготовка технологии, включающая определение цели «отмены» (чаще всего краткосрочная, тактическая, например, устранение конкурента), выбора методов, средств, «площадок» (в зависимости от возраста, статуса, национальной принадлежности, имиджа и т.д. адресата «отмены» и/или аудитории, на которую идёт расчёт); временного периода (обязательно будний день; наибольшая активность пользователей в социальных сетях установлена многими сервисами в пятницу, около пяти часов вечера); анализ и обработка информации по адресату «отмены» (поиск «компромата»). 2) Рекрутинг — отбор участников обсуждения; личность инициатора «отмены», так же как и адресата «отмены», должна носить конфликтный характер, возможно, медийный человек, активный пользователь социальных сетей, представитель общности, часто находящейся в меньшинстве. 3) Составление плана последовательных «атак», преимущественно в информационном пространстве (заказ статей, передач на телевидении, постов в социальных сетях и проч.). 4) Вступительное слово инициатора «отмены» (новость, послание, пост), производящее эффект стихийного всплеска вроде «как мы раньше этого не замечали», мгновенные дизлайки, репосты, негативные комментарии, отписки. 5) Ответная реакция «отмененного» (в большинстве случаев не производит никакого эффекта или только усугубляет «отмену», но всегда остаётся вероятность неожиданной реакции, которая кардинально поменяет ход процесса) или её отсутствие. 6) Конструктивная дискуссия между основными участниками маловероятна, так как у инициатора «отмены», как правило, доминантная стратегия (субоптимальная на языке теории игр), поэтому противоречия обостряются ещё больше; основные дискуссии разворачиваются между представителями сторон. 7) Причинение морального, физического или материального ущерба адресату «отмены». 8) Поиск решения проблемы со стороны адресата «отмены» (публичные извинения, удаление из информационного пространства «провокационного» материала или аккаунта, помощь «жертвам», кому потенциально или реально был причинен моральный или физический вред, иные «исправительные» работы). 9) Быстротечное «забывание» скандала, потеря актуальности в информационном пространстве. 10) Восстановление адресата «отмены» (зависит от страновых особенностей, где-то практически беспрепятственно, хотя и с оставлением «ярлыка», а в некоторых случаях только «социальная смерть»).

Алгоритм регуляции конфликта. 1) Подготовка технологии включает чёткое определение ожидаемого результата в долгосрочной перспективе (например, стратегическая направленность на установление социального порядка и предотвращение распада системы); создание методологической базы технологии; единый подход к целям и задачам (целью не может быть уничтожение и причинение наибольшего вреда; для достижения цели есть недопустимые средства); декларирование общенациональных интересов, трансляция самой мировоззренческой идеи даже на начальном этапе в СМИ, СМК, социальных сетях до «отмены» кого-либо; оценка рисков, глобальных последствий не только в рамках цели, но и с учётом влияния иных, параллельно идущих процессов, включая внешние; учёт институциональных условий; оценка степени управляемости (в рамках «культуры отмены» высокая доля неуправляемости). 2) Рекрутинг — отбор участников на основе объективных критериев, с учётом «человеческого фактора», личностных качеств, специфики обстоятельств и в идеале просчитанной «предсказуемой» реакции; возможен вариант, что адресат «отмены» подставная демонстративная фигура и на самом деле никого не «отменяют», а лишь показывают, «что будет, если»; инициатор «отмены» — человек, необязательно известный, но пользующийся доверием и авторитетом у окружающих. 3) Составление пошаговой программы действий на случаи ожидаемого, противоположного или смешенного эффекта. 4) Вступительное слово инициатора «отмены» с указанием оснований, по которым должны «привлечь к ответственности». 5) Ответная реакция со стороны субъекта (прямая или косвенная от его приверженцев), которого «отменяют». Здесь возможен «раскол» на два противоположных лагеря или значительный перевес в одну сторону (благодаря наличию ресурсов, связей и влиятельных друзей, готовых поддержать или лично поручиться). 6) Дискуссия (между основными участниками или их представителями) по установленным заранее правилам и контроль за их соблюдением с помощью третьей нейтральной стороны. 7) Выработка заключений по каждому вопросу, если их несколько (например, какой-то пункт был неверно приписан, произошла коммуникативная ошибка, тогда снимается с повестки), с учётом приведённых аргументов, доказательств всех сторон. 8) Поиск решения проблемы, включая «покаяние отменяемого» или «наказание» инициатора (если «отмена» признана «общественностью» или ответственными лицами нецелесообразной), включая лишение постов, званий и др. 9) Итог дискуссии — применение «санкций» или прощение адресата «отмены». 10) Анализ эффективности/неэффективности технологии по фактическому результату. Меры по совершенствованию

отдельных процедур и операций для придания процессу большей однозначности выполнения. Возможности для восстановления «отмененных», ограниченные сроки наказания, рекомендации для дальнейшего поведения. Хотя в ходе проведенного исследования материалов СМИ, была выявлена тенденция к неготовности обществом прощать «отмененных», особенно тех, кто позиционируется в качестве «предателя» общих интересов и ценностей, по крайней мере в краткосрочной перспективе. Данный аспект требует дополнительного изучения в рамках лонгитюдного исследования. Для устранения этой проблемы необходима гармонизация санкций, чтоб наряду с условными «карами» предлагались и «награды» за одобряемую, измененную модель поведения или мнения в направлении ожиданий общества.

В целом, стоит отметить преобладание регулятивного характера технологии «культуры отмены», поскольку, даже если алгоритм применения технологии носит изначально характер стимулирования конфликта, в итоге, как правило, через конфликт как форму внешнего выражения внутреннего напряжения, удастся разрешить проблему, снимать противоречие, находящееся в основании конфликта и приводящее к применению данной технологии.

Выводы

1. «Культура отмены» — это вариативная информационно-коммуникационная социально-политическая технология, используемая для воздействия на воспроизводственный механизм способов реализации интересов в политике, влияющая на конфликтный потенциал взаимодействия разнонаправленным образом, образуя основания как для его стимуляции, так и урегулирования. При этом, даже выступая в роли конфликтной технологии, она помогает зачастую преодолевать противодействия за счет усиления внутренней логики конфликта к саморегуляции.

2. Предупредительный характер (урегулирующий конфликтный потенциал) «культуры отмены» в основном применяется в качестве инструмента информационной кампании, информационной войны, и часто бывает связан с направленностью опосредованного воздействия на смещенную целевую группу, ориентированную на адресата «отмены» как референтную личность или группу.

3. «Культура отмены» может применяться как самостоятельная комплексная технология, так и выполнять роль способа, метода, инструмента иной комплексной сложной технологии.

4. В целом, «культура отмены» обладает самостоятельной структурой и алгоритмом осуществления, выполняет роль разнонаправленной как регулятивной социально-политической технологии, воспроизводящейся в информационно-коммуникационном пространстве взаимодействия, так и в качестве конфликтной технологии, имеющей свою логику, структуру, динамику, алгоритм осуществления и воспроизводства. Поскольку сам конфликт имеет определенную внутреннюю логику и движущие силы, закономерности степени антагонизма, способность, развиваясь, урегуливаться, разрешая противоречие и снимая напряжение, то и конфликтная технология «культуры отмены» может способствовать регуляции конфликтного потенциала при синергии, особенно в ситуации отсутствия явного (реального) антагонизма и наличии эффекта саморегуляции, разрешения (устранения) противоречия.

5. «Культура отмены», таким образом, может быть охарактеризована в категориях сложной, комплексной, разнонаправленной технологии воздействия на конфликтный потенциал путем как дезинтегрирующего, так и интегрирующего способа воздействия. Комбинация, например, дезинтеграции (разделения, изоляционизма) в итоге может приводить к интеграции на новых идейных основаниях или осознании деструктивности определенного пути через деконструкцию с последующим конструированием.

Список литературы / References

- [1] Нагайчук А.Ф., Брызгалова А.В. «Культура отмены» как неоднозначное социокультурное явление и социально-политическая технология // Конфликтология. 2023, № 2. С. 29–46.
Nagaichuk A.F., Bryzgalova A.V. “‘Cancel culture’ as an ambiguous socio-cultural phenomenon and socio-political technology”, in *Konfliktologia*, 2023, no. 2: 29–46. (In Russ.)
- [2] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.
Sorokin P. A. *Social and Cultural Dynamics*, Moscow, Astrel, 2006. (In Russ.)
- [3] Смирнова Ю.С. Атрибутивное сопровождение межличностных конфликтов // Философия и социальные науки. 2016, № 3. С. 105–109.
Smirnova Yu.S. *Attributions in Interpersonal Conflicts*, in *Filosofiya i socialnye nauki*, 2016, no.3: 105–109. (In Russ.)
- [4] Mitchell C.R. *The structure of international conflict*, New York, St. Martin’s Press, 1981.
- [5] Нагайчук А.Ф. Социальные интересы: технологии осуществления в политике. 2-е изд. испр. и доп. СПб.: Изд-во С.-Петерб ун.-та, 2007.

- Nagaichuk A.F. *Social interests: implementation technologies in politics*, 2nd ed., revised and additional, St. Petersburg, Saint-Petersburg State University Press, 2007. (In Russ.)
- [6] Иванов В.Н., Патрушев В.И. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. М.: Экономика, 2001.
Ivanov V.N., Patrushev V.I. *Innovative social technologies of state and municipal management*, Moscow, Ekonomika, 2001. (In Russ.)
- [7] Цымбурский В.Л. Остров Россия. М.: РОССПЭН, 2007.
Tsymbursky V.L. *Russia Island*, Moscow, ROSSPEN, 2007. (In Russ.)
- [8] Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997.
Sorokin P.A. *The Basic Trends of Our Times*, Moscow, Nauka, 1997. (In Russ.)
- [9] Сорокин П.А. Новые материалы к научной биографии. М.: ИНИОН РАН, 2012.
Sorokin P.A. *New materials for scientific biography*, Moscow, INION RAN, 2012. (In Russ.)
- [10] Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М.: Аспект Пресс, 1996.
Zdravomyslov A.G. *Sociology of conflict*, Moscow, Aspekt Press, 1996. (In Russ.)